

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).026

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-104-112

Обзорная статья

Роль первых древнерусских монахов в складывании религиозного фактора сохранения политического и культурного единства Киевской Руси

Соломин В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1200751@bsuedu.ru

Аннотация. Статья посвящена попыткам церковных деятелей по формированию и развитию идеологии в Древнерусском государстве, направленной на укрепление единства страны. Оценена роль митрополита Илариона в становлении идеи о верховной власти как значимого фактора территориального единства Киевской Руси. Проанализированы его возможные связи с основателем Киево-Печерского монастыря преподобным Антонием. Изучено становление Антония как монаха. Исследованы вопрос взаимодействия княжеской власти с Киево-Печерской обителью и процесс выстраивания их взаимоотношений. Дана оценка влиянию киевских князей на деятельность монастыря. Выявлены наиболее значимые для киево-печерских церковных деятелей факторы единства Древнерусского государства и их реакция на междоусобные конфликты между князьями. Также выявлены факторы, помимо персоналистского правления, которые были поставлены во главе угла вопроса о единстве государства первыми древнерусскими монахами. Оценено их восприятие роли Церкви в процессе единения древнерусских земель.

Ключевые слова: идеология, монашество, Иларион, Антоний Печерский, власть, единство, Древняя Русь

Для цитирования: Соломин В.А. 2025. Роль первых древнерусских монахов в складывании религиозного фактора сохранения политического и культурного единства Киевской Руси. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 104–112. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-104-112

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Role of the First Ancient Russian Monks in Shaping the Religious Factor of Preserving the Political and Cultural Unity of Kievan Rus

Vladimir A. Solomin

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1200751@bsuedu.ru

Abstract. The article is devoted to the attempts of church figures to form and develop an ideology in the Old Russian state aimed at strengthening the unity of the country. The author assesses the role of Metropolitan Hilarion in the formation of ideas about the supreme power as an innovative factor in the unity of Kievan Rus and analyses his possible connection with St. Anthony, the founder

of the Kiev-Pechersk Monastery. Anthony's development as a monk is studied. The research also looks at the interaction between the princely power and the Kiev-Pechersk monastery and their relationship building. A high assessment of the influence of Kiev princes on the monastery activities is given. The study reveals the factors of the Old Russian state's unity that are most significant for the Kiev-Pechersk church figures and shows their reaction to internecine conflicts between the princes. The author identifies factors, other than personalistic rule, that the first Old Russian monks put at the forefront of the issue of the state's unity. Their perception of the Church's roles in the process of unification of the Old Russian lands is assessed.

Keywords: ideology, monasticism, Hilarion, Anthony of Kiev, power, unity, Ancient Rus.

For citation: Solomin V.A. 2025. The Role of the First Ancient Russian Monks in Shaping the Religious Factor of Preserving the Political and Cultural Unity of Kievan Rus. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 104–112 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-104-112

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Деятельность Церкви в XI веке начала играть одну из наиболее определяющих ролей в развитии Древнерусского государства. Религия стала одной из значимых составляющих великокняжеской идеологии, направленной на объединение Руси вокруг фигуры правителя. Уже при Ярославе усложнение политической структуры государства поставило проблему возможности обособления некоторых земель от Киева, и князь искал способы сохранения и укрепления централизованной власти на всей территории Руси, что позволило сохранить формальное единство Древней Руси до XII века [Поляков, 2013, с. 46].

В свою очередь, в середине XI века вели религиозную деятельность два пресвитера, вклад в культуру которых сложно переоценить: митрополит Иларион Киевский и основатель Киево-Печерского монастыря преподобный Антоний Печерский. Сыграв значимую роль в оформлении древнерусского монашества и укрепления христианства, они также сталкивались с необходимостью взаимодействия с государством. Так, помимо появления трудов Илариона, включая его помощь в работе над церковным уставом, сложился Киево-Печерский монастырь, который играл существенную роль в том числе и в политических процессах Киевской Руси.

Эти личности объединены также тем, что наследие их работ заключалось в создании церковной тенденции, направленной на сохранение единства государства. Именно в единовласти первоначально Иларион, а позже и остальные книжники будут видеть оплот христианской веры [Замалеев, 1998, с. 33]. Их деятельность позволяла сохранять роль Киева как центрального и власть киевского князя над дочерними общинами и другими древнерусскими городами.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является литературное и духовное наследие первых церковных деятелей Руси и их значение для становления идеологического аспекта о необходимости сохранения и укрепления единства Древнерусского государства.

При изучении темы теорико-методологическая работа основывалась на принципах историзма, объективности и всесторонности, так как изучаемые идеи преобразались в зависимости от времени и статуса церковных деятелей. Также из общенаучных методов были использованы анализ, синтез и исторический методы.

Сравнительно-исторический метод играл немалую роль для проведения анализа общих и отличительных черт в восприятии основных факторов, обеспечивающих единство Руси, в воззрении митрополита Илариона и Антония Печерского.

Применение историко-системного метода позволило изучить процесс развития воззрений первых древнерусских монахов о единстве государства и путях его сохранения

как части единой идеологической системы, начавшей своё развитие со времён Ярослава Мудрого и преследующей в том числе идею сакрализации власти.

В связи с тем, что взгляды на единство Древнерусского государства и обеспечивающие его факторы не были статичными на протяжении второй половины XI века, их эволюция также требовала использования историко-генетического метода при изучении проблемы.

Результаты и их обсуждение

Книжная церковная тенденция уже в ранние этапы развития Древнерусского государства была направлена на прославление правящей фигуры и недопущение междоусобицы. Церковники стали частью политической жизни Руси, однако во многом их роль сводилась к легитимации власти и утверждению господства светской власти над её подданными, что использовалось сначала великими князьями, а позже и удельными [Рапов, 1988, с. 406–407].

Одним из первых церковных деятелей, которые связывали централизацию власти с возможностью укрепления государственных основ и позиций христианства в нём, был митрополит Иларион. «Похвала Владимиру», являющаяся частью «Слова о законе и благодати», преследовала цель продемонстрировать значимость роли правителя в становлении и укреплении веры в стране [Иларион, 2011, с. 98].

Говоря о централизации власти, Иларион подразумевал и проблему сохранения единства страны, из чего следовала положительная оценка языческих правителей, которые пытались добиться объединения племён под руководством киевского князя. Так, при Игоре им были подчинены древляне [Лаврентьевская летопись, 1848, с. 18]. При нём же начали укрепляться позиции христианства при княжеском дворе. В 944 году уже упоминались христиане среди окружения Игоря. Во время заключения мира с Византией христианская часть дружины принесла клятву соблюдения договорённостей в церкви святого Ильи [Договор Руси с Византией 944 г., 1952, с. 34].

Говоря о благородстве князя Святослава, Иларион наверняка подразумевал в том числе и войско князя. Его военная деятельность в первую очередь была связана с восстановлением власти Киева над восточнославянскими племенами. Однако он стремился не только завершить деятельность Ольги по восстановлению контроля над восточнославянскими племенами, но и увеличить количество податей за счёт завоёванных территорий. Эти мероприятия были необходимы не только для поддержания порядка внутри Руси, но и для конфликтов с Хазарским каганатом и Византией, для чего требовалась опытная и закалённая в боях дружина, которая получала опыт именно в сражениях с не желавшими покориться добровольно племенами [Шинаков, 2009, с. 226–227].

Итогом их деятельности по расширению Руси стало усиление военной и экономической силы княжества [Андреева, 2007, с. 180]. Помимо этого, языческим князьям удалось построить фундамент государства, в котором племена были зависимы от центральной власти и были бы подчинены её воле. Эти обстоятельства позволили облегчить процесс христианизации при Владимире, ослабить некоторых внешнеполитических конкурентов и обновить договоры с Византией.

Необходимость сохранения Руси как единого государства продвигалась не только на примере языческих князей, но и на основе деятельности Владимира. Тенденция была отражена в пассаже о покорении Владимиром окрестных народов как при помощи убеждения, так и путём силового принуждения, что позволило присоединить все восточнославянские племена и некоторые неславянские народы [Иларион, 2011, с. 82]. Идея стала частью сформированной политикой Ярослава идеологии единовласти, в которой монарх рассматривался гарантом территориальной целостности государства и единства страны [Замалеев, 1998, с. 33].

Не менее значимую роль в укоренении христианизации Древнерусского государства стал преподобный Антоний Печерский, известный также как основатель Киево-Печерского монастыря. Он был мужем из Любеча, однако его монашеский путь был начат на Святой горе Афон в одном из монастырей [Антоний, 2001, с. 602]. Антоний уже селился близ

княжеской резиденции в Берестове, однако не признал власть Святополка и снова отбыл на Афон. Причиной отбытия на Святую гору стало неприятие междоусобицы и братоубийства, что начало формировать представления Антония и будущих монахов о недопустимости раскола Руси [Киево-Печерский патерик, 1997, с. 316].

Согласно данным, имеющимся в источниках, а также на основе имеющихся в исследованиях, следует указать на то, что и Антоний, и Иларион имели как общие черты, так и некоторые пересечения друг с другом. Прежде всего, известно, что Иларион обучался богословию в Византии. Точное место неизвестно, однако наиболее вероятными местами были Константинополь или же Афон [Подскальски, 1996, с. 148]. В свою очередь, Антоний Печерский также посещал Афон и вёл там монашескую жизнь с 1012 года. Нет точной информации, в каком монастыре проходило его послушание, однако известно, что афонским игуменом он был отправлен в Киев укреплять монашеский образ жизни в Древнерусском государстве, привнесённый Руси окружением митрополита Михаила I [Бибиков, Родионов, 2022, с. 112]. Таким образом, и Иларион, и Антоний были напрямую знакомы с византийской богословской традицией в целом и с практиками афонских монахов в частности.

Прямых свидетельств о знакомстве митрополита с монахом не было зафиксировано в источниках, тем не менее присутствуют косвенные данные о том, что они знали друг друга. Их общей точкой пересечения была пещерка близ княжеской резиденции, где Иларион молился и вёл аскезу в тайне от всех [Лаврентьевская летопись, 1846, с. 67]. Именно эту пещерку впоследствии будет использовать Антоний Печерский для молитв. Поселившись там, он и Феодосий соорудили монастырь, ставший впоследствии Киево-Печерской Лаврой [Память Антония Печерского, 2004, с. 269].

Отметим также, что Иларион считал себя не только пресвитером, но и монахом [Исповедание веры, 2011, с. 121]. С учётом вышеупомянутой связи тайных богослужений митрополита с историей Киево-Печерского монастыря мог быть пострижен Антонием в монахи [Гайденко, 2015, с. 77].

Указанные нами церковные деятели могли быть связаны не только схожим образованием и аскетическими практиками. Антоний занял пещерку Илариона, и к началу правления Изяслава, а также к вероятному оставлению Иларионом сана митрополита в Берестове к монаху уже начала формироваться община учеников преподобного монаха [Киево-Печерский патерик, 1997, с. 318]. Согласно результатам имеющихся исследований, одним из наиболее вероятных исходов оставления митрополичьего сана Иларионом был именно уход в обитель к Антонию [Гайденко, 2015, с. 77]. Таким образом, и Иларион, и Антоний сыграли немалую роль в становлении монашества на Руси, и их взгляды могли также заметно повлиять на развитие книжной мысли непосредственно в Киево-Печерской обители.

Анализ доступной литературы и источников по указанной проблеме свидетельствует о заинтересованности киевских князей в контактах с монахами Киево-Печерского монастыря и с Антонием в частности. Само поселение преподобного было расположено в месте, где располагалась княжеская резиденция, а одними из первых насельников обители были люди из числа окружения князя Изяслава [Гайденко, 2016, с. 42–43]. Его подвижническая деятельность привлекала не только стремящихся к аскезе, но и князей. Известно, что Изяслав в начале правления прибывал к нему с дружиной с целью добиться благословления [Ушакова, 2009, с. 52].

Эти обстоятельства не могли не оказать влияния как на политическую позицию киево-печерских монахов, так и на степень влияния князей на деятельность монастыря. При игумене Феодосии монахи просили у Изяслава дать землю над пещерами, чтобы построить на ней деревянную церковь и кельи [Память Антония Печерского, 2004, с. 272].

Однако, несмотря на общую готовность сотрудничать с князем, Изяслав известен наличием конфликтов с обителью. Один из них был связан с пострижением сына боярского Варлаама и княжого евнуха Ефрема. Изяслав, будучи недовольным этим решением, угрожал заточением и ликвидацией пещерки, что однако пресекла жена Изяслава Гертруда, и конфликт удалось уладить, а Варлаам стал игуменом монастыря [Память Антония Печерского, 2004, с. 270].

Известно также, что князья, в частности вышеупомянутый Изяслав Ярославич, привлекали подвижников основанного Антонием монастыря на должности игуменов в княжеские монастыри [Ушакова, 2009, с. 53]. Одним из таких примеров является привлечение Варлаама управлять Димитриевым монастырём, названным в честь великомученика Димитрия Солунского. В честь этого святого получил имя при крещении Изяслав, что побуждало его создать монастырь, по своему величию превосходящий Печерский [Киево-Печерский патерик, 1997, с. 320]. Эпизод стал следствием ранее указанного конфликта между обителем и князем и демонстрировал подход Изяслава к Церкви и некоторым её представителям. Воспринимая Варлаама как своего ставленника, он заставил подчиниться послушников монастыря, и конфликт был урегулирован поставлением нового игумена.

После попытки Всеслава занять Киевский престол Изяслав решил начать конфликт непосредственно с Антонием. Сохраняя положительные отношения с Феодосием, Изяслав отправил Антония в опалу, так как тот предсказал поражение в битве с половцами. Обвинив преподобного в симпатиях Всеславу, он добился ухода Антония из монастыря [Память Антония Печерского, 2004, с. 277]. Эпизод в очередной раз демонстрирует попытки князей занять верховное положение во взаимоотношениях с Церковью, включая и вопросы покровительства. Несмотря на то, что в монастыре был введён Студийский устав, который позволил бы быть монастырём более самостоятельным, нежели основанные князьями обители, факт введения устава и обилие церковных вещей, привезённых Ефремом, позволяют предположить, что князь принимал участие в подготовке путешествия инок в Константинополь, что было частью политики Ярославичей по попытке распространить свою власть и на монастыри [Гайденко, 2016, с. 45].

Отдельного внимания заслуживает деятельность Святослава Ярославича. Именно Святослав помог Антонию бежать в Чернигов, где преподобный имел возможность продолжить свою аскезу, результатом которой стало основание нового монастыря в Болдинских горах [Память Антония Печерского, 2004, с. 278].

Несмотря на то, что главы монастыря не стремились к конфликту, ситуация со свержением власти для них первоначально была неприемлема. Преподобный Феодосий Печерский, бывший в указанное время игуменом, не принял изгнание Изяслава и становление Святослава великим князем киевским [Творогов, 1987, с. 457]. Первоначально он даже не поминал Святослава как киевского князя, не признавая легитимность его статуса. Тем не менее ему пришлось согласиться на упоминание обоих членов княжеской семьи в молитвах [Житие Феодосия, 1997, с. 424].

Поведение игумена впоследствии будет заложено в восприятии княжеской власти Церковью. В первую очередь Церковь вставала на сторону жертвы вне зависимости от итогов её деятельности и причин свержения. Это было связано с положением о том, что лишь Бог был способен определить, когда необходимо наказать того или иного человека [Антонов, Сукина, Майзульс, 2024, с. 94]. Нарушение легитимности было недопустимым для церковников ещё и тем, что сложившийся порядок престолонаследования в условиях движения государства к политической раздробленности обеспечивал единство Руси, а попытки мятежа подрывали выстроенную иерархию членов княжеского рода и отдаляли древнерусские земли от достижения единства, всё ещё воспринимавшегося во всех слоях духовенства как идеальная норма [Сосенков, 2014, с. 43].

Однако отметим, что князь стремился стать единодержцем, стараясь стать подобным Ярославу Мудрому. Своё княжение на киевском престоле Святослав начал с укрепления позиций великокняжеской власти на территории Руси с целью недопущения раздробленности. В вопросе централизации власти Святослав за чуть более чем три года правления достиг более значительных результатов, чем князь Изяслав. Так под его личный контроль и владения его сыновей попали все древнерусские земли, а князь Всеволод сохранял лояльность. Помимо сохранения Руси под единой властью из Киева, великий князь подражал своему отцу и в любви к книгам и просветительской деятельности. При нём были созданы так называемые «Изборники». Так, помимо переведённых произведений, послесловие источника включало похвалу Святославу, считавшемуся «новым Птолемеем», так как имел обширную библиотеку и не закрывал доступ к ней приближённым [Толочко, 1987, с. 91].

Эти амбиции побуждали его искать поддержки среди монахов Киево-Печерского монастыря. Известно, что ещё до становления великим князем он знал не только Антония. Никон Печерский был знаком со Святославом во время посольства с целью добиться разрешения отпустить своего сына Глеба княжить в Тмутаракани [Житие Никона, 2004, с. 447]. Итогом его деятельности стало расположение монахов, которого он добился от Феодосия не сразу [Алексеев, 2014, с. 77].

В вопросах верховной власти церковники держались мысли Иоанна Златоуста о том, что деспотичный правитель – следствие Божьей кары, которую необходимо терпеть. Следствием данных воззрений стала идея, что князя можно при жизни осуждать, однако неповиновение было недопустимым [Антонов, Сукина, Майзульс, 2024, с. 94]. Данная формула вписывалась в рамки церковного восприятия древнерусского единства, что отражено и в житии Феодосия. В тексте источника указано, что в ходе примирения с князем Феодосий продемонстрировал, что критика князя была направлена не на свержение Святослава, а на спасение его души [Житие Феодосия, 1997, с. 422].

Одной из попыток добиться расположения монахов стало участие князя в строительстве нового храма. Ради данной цели великий князь пожертвовал 100 гривен золота на строительство храма Успения Богородицы, ставшей одним из основных храмов Киево-Печерского монастыря, а также лично участвовал в закладке фундамента храма, чтобы продемонстрировать значимость укрепления монастыря для князя [Толочко, 1987, с. 91].

При этом роль князя в укреплении единства государства через религиозное познание касалась не только монашества, но и белого духовенства. Так, в Киеве сохранилась граффито, где неизвестный священник, молясь о здоровье великого князя, называл его каганом [Высоцкий, 1966, с. 52]. Титул не был официальным, однако указывал на восприятие представителями духовенства на сакральность фигуры князя и его высокий авторитет, подобный царскому.

Согласно известным данным, в агиографических источниках содержатся элементы нового восприятия пути сохранения единства Древнерусского государства, устоявшиеся на рубеже XI–XII веков. Феодосий был сторонником централизма, однако источником данной тенденции было православие. Князь им воспринимался как «богоугодный властелин», что в дальнейшем станет основой для идеологического обоснования церковно-государственного взаимодействия в последующие годы. Так, Киево-Печерская обитель хранила истинную веру, а князь обязывался всеми силами поддерживать её распространение [Замалеев, 1998, с. 46]. Эта мысль была направлена как на укрепление роли Церкви в жизни древнерусского общества, так и на централизацию власти.

В глазах другого киево-печерского монаха, Нестора, составителя жития Феодосия, именно Церковь и сложившиеся в ней традиции должны были обеспечивать сплочённость княжеств, а князья должны были объединяться за счёт общей веры [Замалеев, 1998, с. 48]. Следует также отметить, что Нестор был автором «Чтения о святых мучениках Борисе и Глебе», в результате чего мы можем сказать, что Нестор не принимал междоусобицы как способа решения политических вопросов [Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе, 1916, с. 26].

Однако в целом православная церковь при Ярославичах и позднее поддерживала вопрос единства не столько в вопросе централизации власти вокруг правящей персоны, сколько старалась поддерживать культурное и духовное единство, стремясь не допустить новых междоусобиц. Ввиду малого количества епархий территории епископств были значительными, и епископы не желали терять владения. Данное обстоятельство позволяло играть епископам немалую роль в древнерусском обществе [Петрушко, 2007, с. 50].

Заключение

Завершая анализ тематики, следует обратить внимание на итоги работы.

Прежде всего, отметим, что образ единства государства как для Илариона, так и для первых Киево-Печерских монахов строился в первую очередь на христианской вере. Однако Илариона интересовали преимущественно вопросы территориального единства государства, так как единодержавная власть в годы его жизни была оплотом христианства на Руси, на

которое сама же власть и опиралась. В свою очередь, первые монахи Киево-Печерской лавры вели активную религиозную деятельность в годы триумvirата Ярославичей и фокусировались преимущественно на единстве духовном, видя путь к сплочённости князей в первую очередь за счёт соблюдения религиозных традиций и единства Церкви.

Иларион, вероятно, был знаком с Антонием, и их взаимодействие в дальнейшем могло не только влиять на развитие монашеской традиции на Руси, но также и на взаимодействие с княжеской властью. Киевские князья были заинтересованы в связях с Киево-Печерским монастырём и старались как покровительствовать ему, так и использовать монахов для укрепления собственной власти, что иногда приводило к конфликтным ситуациям.

В рамках новой политической ситуации в Киево-Печерском монастыре воспринимали верховную власть с позиции «богоугодного властелина», согласно которой правитель должен был быть благоверным и оказывать поддержку Церкви по распространению веры. Одним из основных требований к правителю было также и недопущение междоусобицы. Нарушение легитимности ввиду нарушения сложившегося статус-кво и риска начала очередной междоусобной войны крайне порицалось служителями Церкви и осуждалось подобно братоубийству, так как грозило разрушить сплочённость князей.

Список литературы

- 944 год. Договор Руси с Византией. 1952. В кн.: Памятники русского права. Вып. 1. Под ред. С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин. Москва, Госюриздат: 30–35.
- Алексеев С.В. 2014. Игорь Святославич. Москва, Молодая гвардия, 348 с.
- Андреева А.Л. 2007. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Москва, Ладомир, 304 с.
- Антоний. 2001. В кн.: Православная энциклопедия. Т. 2. Под ред. патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Москва, Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»: 50–69.
- Антонов Д., Сукина Л., Майзульс М. 2024. Русское Средневековье. Мир идей. Москва, Слово, 336 с.
- Бибииков М.В. Родионов О.А. 2022. Афонское греческое Житие преподобного Антония Печерского. *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 107: 113–133.
- Высоцкий С.А. 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, Наукова думка, 240 с.
- Гайденок П.И. 2016. Несколько замечаний об институте ктиторов в домонгольской Руси (на примере Печерского монастыря). *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*, 4 (16): 31–52.
- Гайденок П.И. 2015. Несколько замечаний о социальных аспектах древнерусского монашества XI – первой половины XIII вв. *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*, 4 (12): 48–78.
- Житие преподобного отца нашего Никона, игумена Печерского. 2004. В кн.: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт), Т. VII, Киев, Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 443–450.
- Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского. Пер. О.В. Творогова. 1997. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Под. ред. Д.С. Лихачёва и др., Т. 1. Санкт-Петербург, Наука: 352–433.
- Замалеев А.Ф. 1998. Восточнославянские мыслители: Эпоха Средневековья. Санкт-Петербург, Изд-во СПбГУ, 270 с.
- Иларион. 2011. Слово о законе и благодати. В кн.: Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати. Москва, Институт русской цивилизации: 36–109.
- Исповедание веры. 2011. В кн.: Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати. Москва, Институт русской цивилизации: 116–121.
- Киево-Печерский патерик / пер. Л.А. Дмитриева и Л.А. Ольшевской. 1997. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси, Т. 4, Санкт-Петербург, Наука, 1997, 296–489.
- Лаврентьевская летопись. 1846. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. 1. Санкт-Петербург, Типография Эдуарда Праца: 1–209.
- Память преподобного отца нашего Антония Печерского. 2004. В кн.: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт), Т. XI, Киев, Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 250–286.
- Петрушко В.И. 2007. История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества. Москва, Изд-во ПСТГУ, 356 с.

- Подскальски Г. 1996. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Санкт-Петербург, Византинороссика, 572 с.
- Поляков А.Н. 2013. Административно-территориальное устройство Киевской Руси. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 9: 42–47.
- Рапов О.М. 1988. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. Москва, Русская панорама, 416 с.
- Сосенков Ф.С. 2014. Об идеях государственного единства в древнерусской агиографической литературе домонгольского периода. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 3: 40–46.
- Творогов О.В. Феодосий. 1987. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Ленинград, Наука, 457–459.
- Ушакова Н.В. 2009. Проблема становления и развития русского монашества в домонгольский период в трудах советских историков 1950–1960-х гг. *Северный регион: наука, образование, культура*, 1 (19): 49–54.
- Чтение о Святых Мучениках Борисе и Глебе. 1916. В кн.: Жития святых мучеников Бориса и Глеба, и службы им, Петроград, Типография императорской академии наук: 1–26.
- Шинаков Е.А. 2009. Образование Древнерусского государства. Москва, Восточная литература, 477 с.

References

- 944 god. Dogovor Rusi s Vizantiyey [944. Treaty of Rus' with Byzantium]. 1952. In: Pamyatniki russkogo prava [Monuments of Russian Law]. Issue. 1. Ed. by S.V. Yushkova; sost. A.A. Zimin. Moscow, Gosyurizdat: 30–35.
- Alekseyev S.V. 2014. Igor' Svyatoslavich [Igor Svyatoslavovich]. Moscow, Molodaya gvardiya, 348 p.
- Andreyeva A.L. 2007. Sakralizatsiya vlasti v istorii khristianskoy tsivilizatsii [Sacralization of Power in the History of Christian Civilization]. Moscow, Lodomir, 304 p.
- Antoniya [Anthony]. 2001. In: Pravoslavnyaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 2. Ed. by Patriarch of Moscow and All Rus' Alexy II. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya»: 50–69.
- Antonov D., Sukina L., Mayzul's M. 2024. Russkoye Srednevekov'ye. Mir idey [Russian Middle Ages. The World of Ideas]. Moscow, Slovo, 336 p.
- Bibikov M.V. Rodionov O.A. 2022. Afonskoye grecheskoye Zhitiye prepodobnogo Antoniya Pecherskogo [Athonite Greek Life of St. Anthony of the Caves]. *Bulletin of PSTGU. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church*, 107: 113–133.
- Vysotskiy S.A. 1966. Drevnerusskiye nadpisi Sofii Kiyevskoy XI–XIV vv. [Old Russian Inscriptions of St. Sophia of Kyiv in the 11th – 14th Centuries] Kiev, Naukova dumka, 240 p.
- Gaydenko P.I. 2016. Neskol'ko zamechaniy ob institute ktitorov v domongol'skoy Rusi (na primere Pecherskogo monastyr'ya) [Several Remarks on the Institution of Ktitors in Pre-Mongol Rus' (Using the Pechersky Monastery as an Example)]. *Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 4 (16): 31–52.
- Gaydenko P.I. 2015. Neskol'ko zamechaniy o sotsial'nykh aspektakh drevnerusskogo monashstva XI – pervoy poloviny XIII vv. [Some Notes on the Social Aspects of Old Russian Monasticism in the 11th – First Half of the 13th Centuries]. *Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 4 (12): 48–78.
- Zhitiye prepodobnogo ottsa nashego Nikona, igumena Pecherskogo [Hagiography of Our Venerable Father Nikon, Abbot of the Caves]. 2004. In: Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ikh-Miney sv. Dimitriya Rostovskogo (reprint) [Hagiographies of the Saints in Russian, Set Out According to the Guide of the Chetyi-Minei of St. Demetrius of Rostov (Reprint)], Vol. VII, Kiev, Svyato-Uspenskaya Kiyev-Pecherskaya Lavra: 443–450.
- Zhitiye prepodobnogo ottsa nashego Feodosiya, igumena Pecherskogo [Hagiography of Our Venerable Father Theodosius, Abbot of the Caves]. Trans. by O.V. Tvorogov. 1997. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi, Vol. 1. Saint Petersburg, Nauka: 352–433.
- Zamalejev A.F. 1998. Vostochnoslavjanskiye mysliteli: Epokha Srednevekov'ya [East Slavic Thinkers: The Middle Ages]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 270 p.
- Ilarion. Slovo o zakone i blagodati [Sermon on Law and Grace]. 2011. In: Mitropolit Ilarion. Slovo o zakone i blagodati [Metropolitan Hilarion. Sermon on Law and Grace]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii: 36–109.
- Ispovedaniye very [The Confession of Faith]. 2011. In: Mitropolit Ilarion. Slovo o zakone i blagodati [Metropolitan Hilarion. Sermon on Law and Grace]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii: 116–121.

- Kiyevno-Pecherskiy paterik [Kievo-Pechersky Patericon] / trans. by L.A. Dmitriyev i L.A. Ol'shevskaya. 1997. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of Literature of Ancient Rus], Vol. 4, Saint Petersburg, Nauka: 296–489.
- Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. 1846. In.: Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Saint Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa: 1–209.
- Pamyat' prepodobnogo ottsa nashogo Antoniia Pecherskogo [Memory of our Venerable Father Anthony of the Caves]. 2004. In: Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ikh-Miney sv. Dimitriya Rostovskogo (reprint) [Hagiographies of the Saints in Russian, Set Out According to the Guide of the Chetyi-Minei of St. Demetrius of Rostov (Reprint)], Vol. XI, Kiev, Svyato-Uspenskaya Kiyevno-Pecherskaya Lavra: 250–286.
- Petrushko V.I. 2007. Istoriya Russkoy Tserkvi s drevneyshikh vremen do ustanovleniya patriarshstva [History of the Russian Church from Ancient Times to the Establishment of the Patriarchate]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 356 p.
- Podskal'ski G. 1996. Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoy Rusi (988–1237 gg.) [Christianity and Theological Literature in Kievan Rus (988–1237)]. Saint Petersburg, Vizantinorossika, 572 p.
- Polyakov A.N. 2013. Administrativno-territorial'noye ustroystvo Kiyevskoy Rusi [Administrative-Territorial Structure of Kievan Rus]. *Bulletin of the Orenburg State University*, 9: 42–47.
- Rapov O.M. 1988. Russkaya tserkov' v IX – pervoy trety XII v. Prinyatiye khristianstva [Russian Church in the 9th – First Third of the 12th Century. Adoption of Christianity]. Moscow, Russkaya panorama, 416 p.
- Sosenkov F.S. 2014. Ob ideyakh gosudarstvennogo yedinstva v drevnerusskoy agiograficheskoy literature domongol'skogo perioda [On the Ideas of State Unity in Ancient Russian Hagiographic Literature of the Pre-Mongol Period]. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*, 3: 40–46.
- Tvorogov O.V. Feodosiy [Theodosius]. 1987. In: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Rus]. Issue 1. Ed. by D.S. Likhachëv. Leningrad, Nauka: 457–459.
- Ushakova N.V. 2009. Problema stanovleniya i razvitiya russkogo monashestva v domongol'skiy period v trudakh sovetskikh istorikov 1950–1960-kh gg. [The Problem of Formation and Development of Russian Monasticism in the Pre-Mongol Period in the Works of Soviet Historians of the 1950s – 1960s.]. *Northern Region: Science, Education, Culture*, 1 (19): 49–54.
- Chteniye o Svyatykh Muchenikakh Borise i Glebe [Reading about the Holy Martyrs Boris and Gleb]. 1916. In: Zhitiya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba, i sluzhby im [Hagiographies of the Holy Martyrs Boris and Gleb, and Services to Them], Petrograd, Tipografiya imperatorskoy akademii nauk, 1–26.
- Shinakov E.A. 2009. Obrazovaniye Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian State. Moscow, Eastern Literature]. Moscow, Vostochnaya literatura, 477 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.02.2025

Received 10.02.2025

Поступила после рецензирования 24.02.2025

Revised 24.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соломин Владимир Алексеевич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0000-0002-5677-8853](https://orcid.org/0000-0002-5677-8853)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir. A. Solomin, Postgraduate Student of the Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia